

Личное знакомство

— Известность приходит к поэтам обычно довольно рано. Для вас она оказалась на родине за-поздалой гостей, хотя и по известным причинам, но все равно несправедливо. Сегодня любому непредубежденному читателю ясно, что эта задержка была обусловлена вовсе не элитарностью, не сложностью вашего творчества. И все же, наверно, вам грустно оттого, что многое из вашей поэзии пришло к соотечественникам значительно позже того времени, когда было написано? Как сегодня вы оцениваете свои контакты с российскими читателями?

Я ЕЩЕ смолodu, в 60-х годах, сделал свой выбор. Можно было адаптироваться в официально признанной советской литературе и широко печататься. Во всяком случае, предпринимать для этого усилия. Или — уйти в «самиздат», иметь совсем немного близких ценителей, но зато — не идти ни на какие компромиссы с режимом. Говорю «выбор», но на самом деле выбора практически не было: я сразу же пошел по второму пути, считая, что стать советским поэтом — значит примкнуть к обслуге тоталитарной идеологии. Сююности полюбил я вот это соображение Евгения Баратынского: «Дарование есть поручение, нужно исполнить его во что бы то ни стало». И я сконцентрировался на выполнении «поручения», стараясь не заботиться о приобретении массового читателя. Тут эмиграция мало что прибавила: тиражи стихотворных сборников на Западе 2—3 тысячи, да и они не расходятся.

Вот когда началась перестройка — тогда я жгуче почувствовал: пора начинать печататься в Отечестве, послужить российским читателям. Тут стало уж не до... гордости. Я посылал стихи редакторам советских журналов, просил печатать. И стихи стали появляться — в толстых журналах, имевших в конце 80-х годов баснословные тиражи. Тогда я впервые почти физически ощутил, что значит широко обнародуемая поэзия. Но все же и теперь рано говорить о полноценной встрече с читателями: на родине опубликована лишь малая часть наработанного за четверть века, вышла только одна тонкая книжечка — «Возвращение», в Библиотеке «Огонька».

Наше время не располагает к поэзии. Впрочем, она и не должна быть искусством массовым, тут не надо питать иллюзий и претендовать на широкое воздействие на сознание современников: пусть греет поэзия души тех, кто к ней действительно расположен. Не в количестве читателей, в конце концов, дело.

Конечно, посттоталитарная реальность преподносит много сюрпризов: разве можно было предполагать, что издать в Отечестве книгу лирики мне будет едва ли не так же сложно, как и прежде. Издательства вообще гибнут — это процесс мучительный: раньше они находились на иждивении государства (но и приносили ему огромные доходы и идеологически обслуживали его). Теперь надо выживать «в одиночку». Но как, например, может выжить в новых условиях известное московское издательство «Современник», если во главе его те же номенклатурные назначенцы Л. Фролов и А. Карелин, что были и в прежние времена застоя, и трусили, и душили тогда всякое живое слово? Ныне же там идет просто борьба за существование, и все культурные программы свернуты, а лучшие наиболее грамотные и продуктивные редакторы уволены...

Худо и в других издательствах, причем не только сохранившихся с застойных времен, но и новых, например, в «Столице», на которую поначалу возлагалось много надежд. Напрасно. Правда, мой весьма объемный сборник «Чужбинное» все еще значится в планах издательства «Московский рабочий». Бог даст, все-таки выйдет...

Вот сейчас я много выступал по провинции, люди спрашивают, где почитать мою книгу, а книги-то нет. Я даже все экземпляры с Запада привезенных мною четырех моих сборников раздал, нет ни одного. И когда бывают вечера, прошу у товарищей «на прокат» — чтобы было по чему читать.

Да ладно стихи, не находится ни издателей, ни бумаги и на вещи позначительнее. Например, с огром-

ным трудом нашелся издатель на солженицынское «Красное колесо» — Воениздат. А на тома основанных Александром Исаевичем потрясающих мемуарных и исторических серий — так и нет до сих пор издателя...

— Вернемся к поэзии. О ваших стихах сегодня спорят. Находятся и бескомпромиссные хулители из профессиональных критиков: не кажется ли вам, что их поиск филологических «блох» в ваших стихах — не для любителей поэзии, а для научных кафедр? Не более ли пристало критике быть добрым и мудрым гидом по литературе? Тем

таться выбросами коммерческой культуры Запада! Рано или поздно его духовный мир предъявит свои права, в частности, «востребует» и поэзию. Страшно подумывать, если этого не случится: тогда никакой положительный социум у нас не будет построен. Тут речь идет уже не о «массовости» литературы, а о самом национальном выживании, невозможном без национальной культуры.

— Может быть, логично в связи с этим говорить и о месте поэта и поэзии в духовной жизни общества? Речь не только о так называемой духовности. Поэт, особен-

падения тоталитаризма роль интеллигенции будет столь роковой и позорной — на виду у всего народа. И самое страшное: постоянно летят спички в пороховую бочку общественной ситуации, недопустимо оскорбляются правительство, президент. Наша монархия рухнула не когда подписал отречение Николай, а когда Милуков публично обвинил его в измене, а власть неотреагировала. И нынешнее «безразличие» властей к оскорблениям свидетельствует отнюдь не о силе, но о плюрализме без берегов — свидетельствует о слабости.

А взаимные обвинения в нео-

жок». Кое-кто, например, Коротич, и перепрыгнул — в США или на многомесячные стипендии в Европу. Но тот, кто решил остаться и жить в нашей стране, среди своего народа, должен же наконец понять и доосмыслить: ненавистью никакого положительного общества не воссоздать.

— Вы много ездите по России. Какой потребностью это вызвано? Что дает душе, как отзывается в творчестве?

— Конечно, исторические катаклизмы, революции происходят в столицах, а потом, как в черные дыры, в них затягивается остальная страна. Но чтобы видеть всю картину объемно, надо знать, чем, простите за словесный штамп, дышит провинция. Да и наслаждение это несравненное: отдохнуть от московских свалок где-нибудь в полях Спасского-Лутвинова! Или вот Валаам: я был там еще десять лет назад, перед эмиграцией. Тогда в монастыре размещался дом инвалидов войны — их, безногих, изуродованных, сослал туда Сталин, чтоб не портить своим жалким и нищим видом официозной картины. Я пробрался тогда через окошко в храм, а потом вышел на улицу весь белый, словно мелник; так осыпались фрески. И вот теперь там — братия, идет реставрация, открываются, ремонтируются скиты. У монахов несколько своих кораблей...

Думал ли я тогда, выгоняемый из страны глэбистами нищий стихотворец, что через десять лет стану возвращаться с Валаама в... Санкт-Петербург на корабле «Святой Николай» с монастырским игуменом Андроником! Мог ли себе представить в аду соловьиного конлагеря гениальный отец Павел Флоренский, что внук его станет валаамским игуменом? Если и это не настоящее чудо, если даже это не убеждает в промыслительности истории, тогда какие же еще более веские нужны доказательства? Вот о чем думалось мне на корме монастырского корабля над пронзительной синей и беспокойной Ладогой.

В московской же толкотне, суете это ощущение чуда притупляется. Затем я и езжу — чтобы поднабраться надежды.

— И в завершение традиционно: о планах — и в творчестве, и в жилье — Москва или Париж?

— Моя история стала уже притчей во языцех. Некоторые даже думают, что на этом делается реклама, столько об этом писала пресса. Уже два года, несмотря на мои настойчивые просьбы, мне не возвращают гражданства. Очевидно, просто-напросто не работают соответствующие бюрократические механизмы: в Париже отсылают в Москву, здесь мнут. Надо ли говорить, что жить на родной земле — естественное мое право. Сейчас, не успеваю я приехать в Париж, как уже тянет домой на... «оперативный простор»: поэту логично жить одной жизнью со своим языком и со своими читателями...

...Вот представьте на минуту, что то, что было недавно Советским Союзом, так сказать, без «поправок» присоединяется к нынешней модели затратной технократической цивилизации. Такое подключение столь обширного, колоссально-го региона к сверхинтенсивной эксплуатации биосферы означало бы ее верную и скорую гибель: у биосферы нет больше таких ресурсов. Так что выработка «третьего пути», принципиально новой культуры, основанной на идеях самоограничения и соподчинения человеческой самости началу высшему (на нашей родине — христианскому) — это вопрос жизни и смерти.

Или этот путь будет найден, или XXI век станет для наземной цивилизации последним. Человечество с позором самоуничтожится, вымрет, Бог «свернет» нашу и мировую историю. Что это будет справедливое возмездие за всю ту мерзость, которую принесли люди и себе, и природе, — слабое утешение. Но хотелось бы верить, что полученные Россией в наш век чудовищные уроки и многочисленные жертвы все-таки не напрасны...

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ:

“ИСЦЕЛЕНИЕ В ПОИСКАХ СОГЛАСИЯ...”

В ПРОШЛОМ году одна из центральных газет отмечала, что по интенсивности публикаций в нынешней российской периодике Юрий Кублановский может сравниться разве что с Александром Солженицыным. Вслед за тем не без яда было замечено: «редкому изданию он не дал интервью, статьи, эссе и, конечно же, своих стихов».

Между тем читатели, в отличие от критика, это приветствуют. Творчество Ю. Кублановского стало для большинства из них открытием.

Десять лет назад под угрозой ареста за публикацию своих стихов за рубежом, ибо их не хотели печатать на родине, Юрий Кублановский был вынужден эмигрировать.

Сегодня он гостит в Москве. Гостит... И второй год добивается возвращения ему российского гражданства, но бумаги по этому поводу путешествуют где-то по департаментам.

Впрочем, для его поэзии сегодня, слава Богу, это уже не препятствие — она себя чувствует в России уверенно, как и положено на родной земле. После публикации 28 мая в нашей газете подборки стихов Ю. Кублановского читатели просят рассказать о поэте подробнее. Юрий Михайлович любезно согласился ответить на вопросы нашего корреспондента ГЕРМАНА БРОЙДО.

более, явно снизился интерес к поэзии...

— У нашей критики, так же как и у культуры в целом, своя специфика. Еще в прошлом столетии — в силу целого ряда причин — критика не отделилась от публицистики, сосредоточивалась не столько на художественном анализе, сколько на общественной проповеди. Критерием была социальная важность, как понимал ее критик. У Писарева это вообще дошло до абсурда, до отрицания Пушкина. Те немногие критики, например, Аполлон Григорьев, которые хотели говорить собственно об изящном, о искусстве, — были белыми воронами в обществе, значительная часть которого жила в категориях идеологии освободительного движения. Нам все уши прожужжали про «царскую цензуру», но культурную свободу ограничивала не столько она, сколько та — по меткому выражению Александра Блока — «леволиберальная жандармерия», которая подходила к культуре с социально-политическими критериями.

Нынешние критики, с одной стороны, унаследовали «сродимые пятна» этой нашей российской социальной болезни, а с другой — в привычно новой ситуации свободы слова — вообще стараются, как они выражаются, освободить русскую литературу от «бациллы учительства», поощряя моральную и формальную вседозволенность. Так после десятилетий соцреалистической диеты наступила всеядность, чуждая заветам великой русской культуры...

При этом сам упадок интереса к поэзии обусловлен тем, что прежде поэзия зачастую выполняла роль, которая пристала скорей публицистике. Теперь, когда публицистическое слово раскрепостилось, поэзия впору и впрямь сосредоточиться на своих собственных, так сказать, экзистенциальных задачах. И если она сумеет сделать это — то имеет шанс уцелеть, выжить. Пена рынка осядет. Ведь, убежден я, не может российский читатель до бесконечности пи-

но в пору смут и кризисов, — больше, чем только поэт. Ваше мнение?

— Конечно, у российского литератора своя психология, обусловленная, в частности, тем, что чисто светское развитие нашей литературы задержалось, и потому творческое сознание не подверглось полному обмирщению. Русский писатель имел точку отсчета — от Высшей Истины, и это, в частности, помогало ему вскрывать феноменологию зла с головокружительной прозорливой дерзостью: «Бесы» Достоевского — яркий тому пример.

Духовность русской литературы — не пустой звук. Хотя и то правда, что в последние годы это слово так затрепало, что к нему как-то совестно лишний раз прикасаться. Как пожаловался мне не так давно замечательный наш культуролог Сергей Аверинцев: «Если бы вы знали, скольких трудов стоило научить этих полугаев вместо идиотизма и партийности произносить духовность и соборность».

В идеале я вижу роль сегодняшнего писателя как примирителя, утешителя, душой болеющего за судьбу Отечества, а не за собственные амбиции и умозрительные теории. За семьдесят лет у нас всех и совесть, и мозги перекошены — и исцеление не в истеричной конфронтации, но в поисках согласия, в углубленной личной ответственности.

— Свою подборку стихов в 10-м прошлогоднем номере «Знамени» вы озаглавили так — «В Отечестве перед распадом». Да, наше общество больно противостоятностями, нетерпимостью. Не думаете ли вы, что эти болезни — порождение не только социальных бед?

— Противостояние в нынешнем обществе не просто прискорбно — самоубийственно. Не знаю, удастся ли Отечеству медленно пойти на поправку без нового страшного социального катаклизма, но гражданская война между разными группами интеллигенции уже идет — и по нарастающей. Тонет общество, но тем озверелей свара.

Все-таки я не ожидал, что после

